

0- 770520

На правах рукописи

Ганбаатар ДЭЛГЭРМАА

**КОНЦЕПТЫ «ДОБРО/ЗЛО» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И.С. ТУРГЕНЕВА
НА ФОНЕ МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ**

Специальность 10.02.01 - русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

МОСКВА- 2008

Работа выполнена на кафедре русского языка и методики его преподавания
Российского университета дружбы народов

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор **Исаев Магомет Измайлович**

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор **Пюрбеев Григорий Церенович**
Институт языкознания РАН

кандидат филологических наук, доцент **Снячкин Владимир Павлович**
Российский университет дружбы народов

Ведущая организация: Государственный институт русского языка
им. А.С. Пушкина

Защита диссертации состоится 20 июня 2008 года в 15-00 часов
на заседании диссертационного совета Д 212.203.12
при Российском Университете дружбы народов
по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, ауд. 436.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Российского
университета дружбы народов.

Автореферат диссертации размещен на сайте www.rudn.ru.

Автореферат разослан 19 мая 2008 года.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000434428

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Н.Ю.Нелюбова

Общая характеристика работы

Настоящая работа выполнена в русле междисциплинарного подхода на основе достижений современной лингвистики, психолингвистики, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии.

Предлагаемое диссертационное исследование представляет собой описание структуры и содержания концептов «добро» и «зло» в произведениях И.С. Тургенева и сопоставление вербальных характеристик этих концептов с целью выявления общего и особенного в модели структурирования концептов «добро/зло», обусловленное спецификой мировидения и культурными различиями русских и монголов. Изучение культурологических аспектов языкового выражения является основной проблемой когнитивной лингвистики, одного из наиболее интенсивно развивающихся направлений в современном языкознании.

Приоритетными для современных лингвистических исследований последних десятилетий становятся вопросы определения содержания понятий «концепт» и «концептосфера», соотношения языка и сознания, выявления этнокультурного компонента в составе лексического значения слова и т.д. (Ю.С. Степанов, Д.С. Лихачев, Н.Д. Арутюнова, В.В. Колесов, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, А.П. Бабушкин, Г.И. Берестнев и др.). При этом значительное внимание в современной лингвистике уделяется специфике экспликации индивидуально-авторских концептов, формирующих концептуальную систему художественного произведения, в соотношении с концептосферой определенной культуры (В.В. Вербицкая, Е.В. Севрюгина, Ю.В. Миронова и др.); а также способом реализации лингвокультурных концептов, выражающих представления об основных чертах этноменталитета и особенностях национального характера (В.В. Маслова, А. Вежицкая, А.Д. Шмелев, В.И. Карасик, Н.В. Сафонова, Н.Ю. Моспанова и др.).

В связи с вышесказанным, актуальность данного исследования определяется необходимостью всестороннего рассмотрения и анализа корпуса языковых выражений ключевых концептов мировой культуры, к которым относятся анализируемые нами концепты «добро» и «зло» в языке великого русского писателя И.С. Тургенева. Кроме того, имея в виду, что аксиология как философская категория определяет ценностные ориентиры в различных культурологических системах, актуальным считаем также частичное привлечение к проводимому анализу сопоставительных данных монгольского языка, поскольку подобный анализ способствует выявлению национального своеобразия лингвистических языковых репрезентаций исследуемой нами философско-этической категории, а также более глубокому осознанию специфики реализации изучаемого материала в художественном тексте и системе русского языка в целом.

Цель данной диссертационной работы состоит в выявлении содержания и структуры концептов «Добро» и «Зло» через систему средств их вербальной репрезентации в художественном тексте произведений И.С. Тургенева, а также в сопоставительном рассмотрении русского и монгольского мироощущений в контексте национальной культуры.

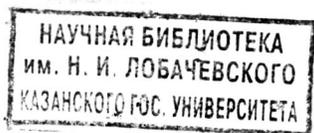
Достижению поставленной цели подчинено решение следующих исследовательских **задач**:

- Описать и определить тенденции изучения категории концепта в современной лингвистической науке;
- Выявить семантические компоненты концептов «Добро» и «Зло» и средства их выражения в древнерусских текстах;
- Описать когнитивную структуру знаний, представленную нравственно-оценочными категориями «добро» и «зло»;
- Определить структурно-этическую значимость данных концептов как ядерного компонента аксиологического фрагмента языковой картины мира исследуемых произведений И.С. Тургенева; описать модель данных концептов в терминах ядра и периферии;
- Установить функциональную иерархию и частотность использования лексических средств – репрезентаторов отмеченных ценностных категорий;
- Провести сопоставительный анализ исследуемых концептов с точки зрения религиозных мировоззрений и пословиц и поговорок русского и монгольского народов; (выявить языковые способы обозначения и выражения этических представлений народов двух культур, соотнесенных с понятиями «добро» и «зло»).

Объектом исследования в данной работе стали тексты произведений И.С. Тургенева (1818-1883), в качестве **предмета** исследования рассматриваются концепты «добро» и «зло» как когнитивные структуры и как универсалии человеческого мышления, их содержательные характеристики на основе их вербальной объективизации в языке писателя.

Предпринятое исследование направлено на верификацию **гипотезы** о том, что содержание концептов «добро» и «зло» обусловлено мировидением, мироощущением и базисными представлениями индивидов как членов разных лингвокультурных сообществ, сформировавшимися в их сознаниях через деятельностный контакт с окружающим миром во всем его разнообразии и многомерности восприятия.

Научная новизна исследования состоит, во-первых, в том, что впервые на материале произведений И.С. Тургенева была предпринята попытка языкового анализа этических концептов «Добро» и «Зло, во-вторых, в работе исследованы языковые способы обозначения и выражения этических представлений народов двух культур, соотнесенных с понятиями «добро» и «зло».

Теоретическая значимость работы заключается в том, что содержащиеся в ней результаты наблюдений и выводов могут способствовать дальнейшей разработке теоретических проблем когнитивной лингвистики, в том числе ее аксиологического аспекта, лингвокультурологии, лексикологии, семасиологии и лингвистики текста.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его материалов и выводов в разработке и преподавании вузовских спецкурсов по проблемам когнитивной лингвистики и лингвистической аксиологии, по лингвистическому анализу художественного текста, теории и практике художественного перевода, в практике школьного и вузовского преподавания при изучении И.С. Тургенева.

Материалом для диссертационного исследования послужили романы И.С. Тургенева «Отцы и дети», «Дворянское гнездо», «Накануне», «Дым», цикл рассказов «Записки охотника» и повести и извлеченные из них методом сплошной выборки примеры, включающие лексические средства репрезентации исследуемых концептов. Кроме того, в процессе анализа привлекались древние тексты, в том числе «Изборник 1076 года», пословицы и поговорки русского и монгольского языков, данные толковых и двуязычных словарей. Для уточнения словарных дефиниций, описания семантики имени поля и состава семантического поля в работе широко использовались материалы этимологических, энциклопедических, синонимических, антонимических и фразеологических словарей.

Методы и приемы исследования. В процессе работы использовался комплекс различных методов, среди которых основными были следующие: структурно-семантический, метод сплошной выборки, а также приемы контекстуального, компонентного и этимологического анализа. Также применяется компаративистский метод, находящий все большее распространение в современной науке для выявления типологических особенностей национальной культуры.

В соответствии с поставленной целью в качестве основных положений, определяющих научную новизну и теоретическую значимость работы, на защиту выносятся следующие **положения**:

1. Концепты «добро» и «зло» включают в себя морально-нравственные, религиозно-философские, субъективно-психологические, прагматические характеристики соответствующих понятий, которые отображены в сознании носителей русского и монгольского языков и репрезентированы в виде когнитивных признаков, характеризующих анализируемые концепты.

2. И.С. Тургенев, органично связанный в своем мировоззрении с аксиологической системой, характеризующей русскую национальную картину мира и русский менталитет, имеет свой собственный взгляд на целый этический категорий, например на степень адекватности категорий «добро» и «зло».

3. Главной константой авторской аксиологической системы Тургенева является «добро». Именно данная оценочная категория является ключевой в соответствующем фрагменте рассматриваемой картины мира и соотносится с наиболее развернутой лексической парадигмой своих репрезентаций.

4. Концепты «добро – зло», представленные в русском и монгольском языках, позволяет утверждать, что в структуре данных языков, а именно в их аксиологическом фрагменте выражаются не два, четко противопоставленных друг другу концепта («добро» – «зло»), а единый антонимический концепт, где соответствующие понятия не всегда строго ограничиваются друг от друга, что подтверждается наличием репрезентаций этих противопоставленных ментальных понятий посредством идентичных языковых средств.

Апробация работы. Результаты исследования нашли отражение в тезисах выступлений и сообщений на международной конференции «Язык, культура, речь» (г. Москва, 2007), на X научно-практической конференции молодых ученых «Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания» (г. Москва, 2008) и на семинаре «Межкультурная коммуникация и проблемы понимания» (г. Москва, 2008).

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и приложений. Общий объем диссертации составил 211 страниц.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертации, определяются объект и предмет, цель и задачи, гипотеза и методы исследования, раскрываются ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются выносимые на защиту основные положения, приводятся сведения о структуре и объеме диссертации.

Первая глава «Теоретические предпосылки исследования» содержит обзор исследований по проблемам когнитивной лингвистики, обобщены основные положения лингвокультурологии – научной дисциплины, изучающей воплощенную в живой национальный язык и проявляющуюся в языковых процессах материальную и духовную культуру, дает характеристику важных для исследования теоретических понятий, как языковая картина мира, ментальность, концепт, описывает структуру и содержание концептов «добро» и «зло».

В центре исследовательских интересов лингвокультурологии находятся национальные формы бытия общества, воспроизводимые в системе языковой коммуникации и основанные на его культурных ценностях, все, что составляет «языковую картину мира». Понятие картины мира, в том числе языковой картины мира, *mapping of the world* (в англоязычной традиции – картирования

мира) строится на изучении представлений человека о мире. Отмечается, что языковая картина мира – это особая окраска мира, связанная с национально-культурной значимостью предметов, явлений и признаков, обусловленная особенностями жизни народа и, следовательно, включающая их оценку со стороны данного этноса.

В главе также прослеживаются значимые, с нашей точки зрения, моменты истории исследования проблемы соотношения и взаимосвязи языка, этноса, культуры в языкознании.

Первые попытки изучения национально-культурной специфики сознания были предприняты Гумбольдтом в XIX веке. Наличие национальной культуры и национального языка В. Гумбольдт объяснял существованием так называемого национального духа. Он утверждал, что «Язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык» (Гумбольдт, 1984, с.68), отмечая соотношение языковых процессов с процессами мышления. На современном этапе развития лингвистической науки, исследователи, выявляя существенные признаки ментальности, также утверждают тесную соотнесенность менталитета и языка. (Е.С. Кубрякова, В.В. Колесов, И.А. Стернин, З.Д. Попова, Д.Н. Шмелев, З.К. Тарламов, В.В. Маслова и др.)

В §1.3 дается исторический анализ становления термина «концепт», который в современной лингвистической науке является одним из самых дискуссионных, и описываются различные точки зрения на содержание данного понятия.

В настоящий момент процесс освоения термина «концепт» происходит в двух основных направлениях современного языкознания – когнитивной лингвистике и лингвокультурологии. В настоящей работе мы, взяв на вооружение лингвокультурный подход, имеем в виду исследование «лингвокультурного концепта». Центром лингвокультурного концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип. Концепты в этом понимании часто соотносятся с наивной картиной мира, противопоставляемой научной картине мира, исследователи говорят о «понятиях практической философии», таких, как «истина», «судьба», «добро» и т.д.

Во втором параграфе первой главы описываются содержательные основания концептов «добро» и «зло» и выявляются собственно лингвистические толкования исследуемых концептов на основе анализа словарных дефиниций в этимологических, академических и толковых словарях.

Понятия добра и зла во всех словарях рассматриваются как наиболее общие понятия морали, предельные полярные характеристики человеческого мира, противоположные и взаимосвязанные, обладающие большой степенью абстрактности, а потому не определенные во внутреннем плане в виде отдельных конкретных составляющих их компонентов. Понятия «лишены

научной строгости и необходимой полноты» (Сабилов, 1992, с.5) и, как большинство оценочных слов, «не содержат в своем значении строгих критериев, позволяющих определить, какие объекты соответствуют данным оценкам, а какие – нет» (Селиверстова, 2001, с.303).

Внутри же оппозиции «Добро-Зло» выделяются более частные оппозиции: созидать-разрушать, гармония-разрушение, жизнь-смерть, горе-несчастье и др. Добро и зло, выступающие как нормативно-оценочные категории, в самой общей форме обозначают соответственно и благо, то есть нравственно положительное и наоборот нравственно отрицательное и предосудительное в поступках и мотивах людей, в социальных явлениях.

В третьей параграфе приводятся архаичные представления о добре и зле в древнерусском языковом сознании (на примере Изборника 1076 г, Суздальской летописи) и их семантические структуры в современном русском литературном языке.

Концепт *добро*, являясь одним из центральных в ментально-культурологической парадигме древнерусского славянина, в различных лексико-грамматических вариантах отражал многие стороны материальной и духовной жизни древнерусских: от быта (*доброплодые, доброплодствие, добролозьнь, доброкласнь* (дающий тучные колосья) – до событий государственной важности (*добропобедный*); от отношений внутри семьи (*доброчадствие* – родительское счастье) – до отношения к Богу (*доброверие, доброверство* – благочестие, набожность).

Диакронический анализ русского концепта «добро» показывает, что языковая и ментально-культурологическая парадигмы шли по пути утраты многих его компонентов, начиная с XIX века, который, согласно словарю В.И. Даля (Даль, 1978, с. 443-446), дает уже меньше лексико-грамматических форм концепта, чем XI-XIV века (СДЯ, 1989).

Для древнерусских, страдания, несчастья и невзгоды в жизни человека – это не просто Зло, а воздаяние, возмездие за грехи, за нарушение нравственного порядка. Благополучие человека – это дар Божий, так как Бог есть Добро, то злополучие – это подарок Сатаны, так как Зло является именно его сущностным атрибутом.

В отличие от древнерусского языка, современный русский литературный язык утратил саму религиозно-философскую основу осмысления Добра: если для древнерусских истинным субъектом Добра является Бог, который «изволяет», дарует Добро человеку, человек же лишь получатель Добра, то в русском литературном языке этот смысл уже потерян для языкового сознания современного человека. Современный русский язык в понятие «злой» не включает такие качества человека, как несправедливый, нечестивый, имеющий тяжкие грехи, вероотступник, еретик, грешный, безбожник, богоненавистник, т.е. сфера «сакрального» в осмыслении Зла полностью утрачена.

Во второй главе «Способы репрезентации концептов «добро/зло» в произведениях И.С. Тургенева», включающей 3 параграфа, мы обращаемся к конкретно-текстовому материалу – к художественной литературе и рассматриваем специфику лексических репрезентаций данной дихотомии в языке И.С. Тургенева.

Нами проанализировано четыре романа («Отцы и дети», «Накануне», «Дворянское гнездо», «Рудин») и цикл рассказов «Записки охотника». Проведя анализ частотности употребления концептов «добро/зло», мы обнаружили, что данные концепты (передаваемые различными языковыми средствами) действительно играют важную роль в формировании текстовой «ткани» произведений писателя.

В первом параграфе проводятся семантические анализы концептов «добро» и «зло» в произведениях И.С. Тургенева.

Анализ концепта «добро» в текстах произведений Тургенева показывает, что важными компонентами лексики «добро» для его произведений являются: **«хорошее, доброе дело, поступок»**: *Он все делает добро, сколько может; он все еще шумит понемножку: даром же был он некогда львом; но жить ему тяжело...* («Отцы и дети»); **«имущество»**: *Хотел было справиться, не оставил ли покойник какого по себе добра, да толку не добился.* («Записки охотника»); и **«счастье, удача, успех», «счастливая, благополучная жизнь»**: *Хоть вдвоем с любимым существом в чужом городе, среди чужих, как-то особенно приятно, всем кажется прекрасным и значительным, всем желаешь добра, мира и того же счастья, которым исполнен сам.* («Накануне»).

Анализ произведений И.С. Тургенева показывает, что понятие зло как существительное встречается всего несколько раз. Им лексема зло используется в тех случаях, когда речь идет о ком-то, чем-либо плохом, вредном, опасном заслуживающем отрицательной оценки, с точки зрения говорящего: *... так уж к нему привыкли и переносили его присутствие как неизбежное зло.* («Записки охотника»)

Часто употребляющееся значение слова «зло» является «беда, несчастье, неприятность»: *Я думаю, это от того происходит, что я одна, все одна, со всем моим добром, со всем моим злом.* («Накануне»)

Также зло можно определить еще как «понятие морального сознания, характеризующее отрицательные нравственные ценности»: *Думаю, авось опомнится; не хочется, знаете ли, верить злу, черной неблагодарности в человеке.* («Записки охотника»)

Во втором параграфе второй главы рассматриваются производные лексемы концептов «добро» и «зло», используемые в тексте И.С. Тургенева.

В его произведениях дериваты слова «добро» представлены следующими лексемами: добрый, доброта, добродетель, добро (нареч.) доброхотный, добросовестность, (добросовестный) добровольность, добронравие и

доброродие, добродушие, раздобреть, полудобровольное, предобренькое самой частотной из которых является первая. В плане морфологической категоризации данный концепт представлен в основном именами существительными и именами прилагательными (вербализуют представление, образ и чувство).

А дериваты концепта «зло» представлены следующими лексемами: злой, злость, злоба, злобной, злобно, злодеяние, злодей, злодейский, злополучный, зловещий, злока, злющий, злорадство, злорадный, озлобление и злиться. Ярким репрезентантом является лексема «злой».

Методом статистического наблюдения выявлена частотность употребления рассматриваемых лексем в пяти произведениях Тургенева, свидетельствующая о значимости для русской культуры и русского языкового сознания понятий, заключенных в этих словах. Общий результат представляем в таблице (см. таблицу 1).

Таблица 1.

Произведения	Дериваты лексемы «добро»		Дериваты лексемы «зло»	
	Количество словоупотреблений	% от общего кол. числа	Количество словоупотреблений	% от общего кол. числа
«Дворянское гнездо»	36	15%	5	9%
«Отцы и дети»	35	14%	8	14%
«Накануне»	31	13%	8	14%
«Рудин»	33	13%	6	10%
«Записки охотника»	110	45%	31	53%

В третьем параграфе «Ближняя периферия концептов «добро/зло» в творчестве И.С. Тургенева» рассматриваются лексемы, составляющие соответствующую парадигму. К лексическим средствам, конструирующим ближнюю периферию концепта «добро» в произведениях И.С. Тургенева, мы прежде всего относим лексемы, проявляющие имплицитную соотносительность с этическими константами христианства. С точки зрения самого писателя, «имеющий веру имеет все и ничего потерять не может, а кто ее не имеет, тот ничего не имеет».

Из его произведений следует, что представления о добре в тургеневских произведениях с высокой эффективностью реализуются через лексемы *ангел, тихий, чистый, стыдливый, честный, теплый, светлый, бледный, духовный*, которые в христианской этике и эстетике имеют определенную семантику.

Все они регулярно используются для передачи нравственной сущности героев произведений И.С. Тургенева, отражающих мировоззренческую позицию писателя.

Понятия о добре и зле связаны с душой. «Душа» и «сердце» в системе тургеневских романов слова-синонимы, выражающие духовно-прекрасное в

человеке. И вместе с тем у Тургенева «сердце» является метафорой сокровенной, тайной, невыразимой в слове до конца нравственной жизни человека, ее сущностью. Не только в «душе» но и в «сердце», в этом эпицентре духовной жизни человека (по Тургеневу) водворились мир и тишина (Аюпов, 2001, с.63).

В романе «Дворянское гнездо» рассказывается о Лизе «... она чиста *сердцем*...». На противоположном полюсе – Паншин: «... он не прекрасен, то есть его *душа не прекрасна*». Здесь речь идет о «душе» и «сердце» – о высших центрах внутренней жизни человека, о их нравственной чистоте, необходимой для гармоничного духовного развития человека.

Одним из компонентов концепта «добро» в произведениях И.С. Тургенева мы считаем **счастье**. Он связывает счастье с добрыми делами во имя счастья ближних. И.В. Сергиевский считал, что в «Записках охотников» впервые более или менее полно была разработана Тургеневым тема, о которой с полным основанием можно говорить как об основной теме всех или почти всех его позднейших романов и повестей,- тема разрушенного человеческого счастья (Сергиевский, 1961, с.161).

Внутренняя чистота и набожность, а также разочарование в личном счастье и стремление к духовному отдохновению – это те критерии, по которым лучшие героини Тургенева становятся воплощением авторского нравственно-психологического идеала.

... *Дай Бог ему счастья! Дай Бог ему жену по сердцу!* («Дневник лишнего человека»)

Как видим из различных откровений И.С. Тургенева в письмах, понятие счастья для Тургенева становится синонимом добра, красоты и поэзии молодости, любви и близости к родной земле.

Нам представляется интересным мотив **молодости**, который является одним из основных в романах Тургенева. Кажется, само понятие молодости имеет определенный общий смысл, чаще всего становясь синонимом добра, красоты, прогресса. Именно на таком понимании этого слова и выстраиваются концептуальные оценки И.С.Тургенева. Писатель очень любит слово «*молодой*» и «*молодость*». Она часто звучит во всех его романах, в частности в «Рудине» 24 раза возникает это понятие, а в «Дворянском Гнезде» – 19. Тургенев употребляет эти слова в двух аспектах. Первый – для возрастного обозначения, а второй – для обозначения душевной молодости, означающей стремление к высоким гражданским идеалам, нравственную чистоту как источник добродетели и т.д.

К числу лексических средств, репрезентирующих содержательные компоненты концепта «зло» относятся синонимически сближенные слова. Семантическими компонентами, входящими в определение слов, возглавляемых

единицей «зло», в произведениях И.С. Тургенева будут такие, как «несчастье», «беда», «вред», «безнравственность», «лукавство», «ложь» и т.п.

Репрезентантом концепта «зло» является слово «беда». В.И. Даль дает следующее толкование: «Беда – несчастный случай, несчастье; происшествие, приключение злыдарное, гибельное, несущее вред, убыток, горе» (Даль, 2007, с. 60).

... *-Про беду-то мою рассказать? Извольте, барин.* («Записки охотника») Примеры показывают, что беда (зло) для человека всегда неожиданна, имеет разную степень проявления (см. словарную дефиницию), и потому переживается очень сильно. На это указывают глаголы *сотрястись* («произойти, случиться»- МАС, 4, 293) и *случиться* («произойти, совершиться»- там же, с. 145).

- *А беда такая стряслась! Да вы не побрезгуйте, барин, не погнушайтесь несчастием моим, - сядьте вон на кадушечку, поближе, а то вам меня не слышно будет...вишь я какая гололистая стала!...* («Записки охотника»)

Актуальным для произведений И.С. Тургенева компонент «несчастье», который может быть выражен лексемой одноименной лексемой или синонимами *напасть* и *невзгода*.

Обратимся к словарному толкованию слова «несчастье»: «Тяжелое, трагическое событие; горе, беда, бедствие» (СТСРЯ, 2004: 410).

... *Только думается мне: будь около меня люди – ничего бы этого не было, и ничего бы я не чувствовала, окромя своего несчастья.* («Записки охотника») Слово «**горе**» может выступать как синоним лексем «беда» и «несчастье».

... *если б какой-нибудь милый, грустный, дружеский голос пропел надо мною прощальную песнь, песнь о моем собственном горе, я бы, может быть, помирился с ним.* («Дневник лишнего человека»).

К средствам репрезентации концепта «зло» в текстах И.С. Тургенева непосредственно относится лексема «**безнравственный**», образующая синонимические отношения с лексемами, выражающими представления о аморальности.

...*Иван Петрович объявил отцу, что он напрасно укоряет его в безнравственности.* («Дворянское гнездо»)

Синонимом безнравственности можно считать лексему «**порок**».

Слово «порок» восходит к архетипу «зло» в противоположность «добру», это подтверждается данными словаря В.И. Даля, где *порок* определяется как «недостаток, нравственный, духовный; все, что противно истине и добру; зло и ложь, как свойство, качество человека; всякое нравственное извращение, искажение; склонность к худу, к дурной жизни. Недостаток телесный, калечество или уродливость, уклонение от порядка в природе, от должного, от общего закона» (Даль, 2007, с. 654).

... Да! Я чуждался моей добродетельной матери и страстно любил моего порочного отца. («Записки охотника»)

С понятием зла особым образом коррелирует понятие «грех», выступающее ментальной доминантой русского религиозного сознания.

...Кровь солнышка божия не видит, кровь от свету прячется... великий грех показать свету кровь, великий грех и страх... («Записки охотника»)

В текстовых употреблениях слово «грех» реализует религиозное значение. Иногда в речи старца в «Касьян из Красивой Мечи» слышатся слова проповедника, пророка:

... Нет добра, но грех в том, что не от бога. Даже знание лекарственных трав не поможет тому, кто имя Бога забыл, ибо вся сила – в вере, кто верует – спасется. («Записки охотника»)

Особый интерес в языке Тургенева представляет фразеологизм «**Богом убитый**», в котором отчетливо выражена оценка зла с точки зрения православной этики. В значении фраземы *Богом убитый* содержится сема «грех». Он используется писателем для номинации Лукерьи в «Живой мощи». Хуторский десятский дает такую характеристику Лукерье: «*Богом убитая, стало быть, за грехи, но мы в это не входим. А чтобы, например, осуждать ее – нет, мы ее не осуждаем. Пуцай ее!*». *Богом убитый* – «тот, кого Бог покарал, наказал. Кто неправдой живет, того Бог убьет. Молчи, коли Бог убил! покарал» (Даль, т.4, с.457).

Непосредственно к средствам репрезентации концепта «зло» в произведениях Тургенева следует также отнести лексику «**лукавый**».

Лукавый – «хитрый и умышляющий, коварный, скрытный и злой, обманчивый и опасный, криводушный, притворчивый, двуличный и злонамеренный. В виде суш., бес, дьявол, сатана, нечистый, злой дух» (Даль, 2007, с. 514).

Внешне *лукавство* проявляется как особая хитрость, но за этой хитростью всегда стоит злой умысел, корыстное извращение того, что есть на самом деле, внесение в жизнь путаницы, сомнения и неуверенности (Берестнев, 1999, с. 99).

... Бедность сердила его и развила в нем наблюдательность и лукавство. («Рудин»)

Лексемы **лихо**, **лихость** выступают в устаревшем значении, не нашедшем отражения в современных словарях и содержат компонент «зло», который в контексте осознается как «беда», «неприятность»:

... Мне остается только надеяться, что вы не станете поминать меня лихом и что если мы когда-нибудь... («Дым»)

Одним из компонентов концепта «зло» в произведениях И.С. Тургенева, по нашему наблюдению, является лексема «**эгоизм**».

... Мне кажется, напротив, женщина скорее отвернется от эгоиста... («Рудин»)

В статье «Гамлет и Дон Кихот» Тургенев подчеркивает, в первую очередь, анализ и эгоизм. «Анализ прежде всего и эгоизм, а потому безверье. Он весь живет для себя, он – эгоист; но верить в себя даже эгоист не может; верить можно только в то, что вне нас и над нами. Но это я, в которое он не верит, дорого Гамлету. Это исходная точка, к которой он возвращается беспрестанно, потому что не находит ничего в целом мире, к чему бы мог прилепиться душою; он скептик – и вечно возится и носится с самим собою; он постоянно занят не своей обязанностью, а своим положением» (Тургенев, 1968). Писатель часто употребляет слово *эгоист*, *эгоистка* когда говорит о персонажах, не вызывающих у него симпатии. «*Марья Дмитриевна, как истая эгоистка, ничего не подозревала*»- пишет он в романе «Дворянское гнездо», когда хочет подчеркнуть глухоту этой женщины по отношению к дочери, их духовное различие. Отца Лаврецкого Тургенев он также называет «*застарелым эгоистом*».

Таким образом, злой человек в произведениях И.С. Тургенева – это человек лукавый (т.е. коварный), безнравственный, грешный, проклятый, человек, который преступает Божьи заповеди (законопреступник), а также жестокий, беспощадный по отношению к другим людям.

Третья глава «**Нравственно-оценочные категории «добро/зло» в монгольской картине мира в сопоставлении с русской**» посвящена сопоставительному анализу русского и монгольского языкового сознания. Здесь проводится культурологически ориентированный анализ наиболее значимых религиозных учений о добре и зле, пословиц и поговорок и колоративный анализ.

Формирование рассматриваемых концептов в любой культуре тесно связано с религиозной ориентированностью народа.

Традиционной монгольской религией является буддизм, а для русского миропонимания послужило христианство, которое принесло с собой более высокую духовность, обратив внимание на значение субъективного внутреннего мира личности. Большинство монгольских фразеологизмов, связанных с религией, возникло из буддийских учений. Например: **Бие, хэл, сэггэл гурваар ариун** («физически, словесно и душевно священны»); **бурхан ухаантай** («с божьим умом»); **хар цагаан хэл ам** («черно-белый язык») /злые языки/; **бурхны оронд явуулах** («отправить в страну Будды») в значении «отправить на тот свет» и др. О добрых и честных людях монголы говорят: **бурхан шиг амьтан** («существо как бог»), русскими эквивалентами служат фразеологизмы: **Божья коровка** (тихий, безобидный, не умеющий постоять за себя человек), **ангел доброты**.

С религиозной точки зрения, хорошие дела оцениваются монголами как «буян» (благо, добро) и плохие дела – как «нугэл» (грех), «буян бус» (зло, вред, бедствие).

В монгольском языковом сознании существуют **арван цагаан буян** (10 священных белых добродетелей) : соблюдать моральную чистоту, не убивать, не красть, говорить истину, говорить вежливо, не нарушать обещаний, не клеветать, не завидовать, не вредить другим, держаться истинного учения.

Существуют следующие фразеологизмы со словом **буян**, которые имеют религиозные значения: «**буян арвидгах**» (умножать добродетели); «**буян ероох**» (молиться о счастье); «**буян санах**» (думать о благе других, не думая об отплате); «**буян уйлдэх**» (помянуть, отпевать, творить добро, подавать милостыню, совершать подаяние); «**буян хураах**» (делать добрые дела, накапливать добродетели).

Антонимом «буян» выступает слово «**нугэл**». Большинство фразеологизмов монгольского языка со словом «**нугэл**» связаны также с буддийским учением: «**нугэл арилгах**» (очищать грех); «**нугэл хийх/ нугэл уйлдэх**» (совершить грех, грешить); «**нуглээ наминчлах**» (искупать свой грех, исповедовать; замаливать свои грехи); « **нугэл хураах**» (замышлять плохое); «**нугэл нь нудээрээ гарах**» (получить возмездие за причинное зло) и др. В противоположности «**арван цагаан буян**» (десяти белых добродетелей), в монгольском языковом сознании существуют «**арван хар нугэл**» (десять черных грехов), в которые входят три физических, три словесных и четыре душевных грехов.

Монгольские выражения **торол авах** («получить перерождение»); **хойт ертонц** («следующий мир»); **хойт торол** («следующее перерождение»); **хойт нас** («следующая жизнь») и др. являются понятиями того, что по религиозным буддийским представлениям живое существо, попав после смерти в загробный мир, обретает новое рождение и потустороннюю жизнь.

А славянский менталитет, поддерживаемый христианской религией, считает, что «борьба Добра и Зла происходит и на небесах, и в каждом из нас. Реальные мистические испытания, которым подвергаемся мы все, очищают душу, выжигают в ней все злое, приближают смертного к Богам, насколько он на это способен... Наше посвящение длится всю жизнь, а физическая смерть лишь подводит итоги» (Семенова 1997: 105).

В буддизме и христианстве мы обнаруживаем нередко сходные основополагающие предписания. Например, три из пяти основных заповедей буддизма напоминают положения библейского декалога: *Не убей; Не укради; Не лги (не произноси ложного свидетельства).*

Во втором параграфе третьей главы рассматриваются реализации исследуемых концептов в пословицах поговорках русского и монгольского языков.

В русском и монгольском языковом сознании понятия «добро» и «зло» имеют богатое фольклорно-литературное выражение. Наличие достаточно большого количества пословиц и поговорок у двух народов указывает на

длительный период культурно-исторического развития ценностного сознания народа.

Связанные с концептом «добро» и следующие русские высказывания: «Лихо помнится, а добро век не забудется», «Доброе дело и в воде не тонет». Добрые дела не исчезают в мире бесследно. Они долго живут даже помимо нашей воли и приносят великолепные плоды единения и любви между людьми, без чего невозможно человеческое счастье. В монгольских пословицах тоже немало выражается добро: «Уулын чинээ харыг туулайн чинээ цагаан дийлнэ» – Добро величиной с зайца побеждает зло величиной с гору. (Добро худо переможет).

Есть все основания полагать, что важнейшим результатом концептуализации пословиц и поговорок в русском и монгольском языках выступают концепты «Добро» и «Зло», которые реализуют универсальные оппозиции нравственно-этического порядка – «хорошо» и «плохо». Это связано с тем, что одним из главных конститутивных признаков категориального статуса концепта признается его антонимический характер, наличие бинарной оппозиции как релевантного признака любого концепта. По нашим наблюдениям, концепт «Добро» в монгольской лингвокультуре формируется посредством следующих пословиц, выступающих реализацией интегративной универсальной нравственной категории «Хорошо» (*Сайн*): **Сайн хун санаагаар, муу хун борооноор** (Добрый человек при упоминании появляется, плохой человек во время дождя появляется) **Сайн хунийг ханилан байж мэддэг, сайн морийг унан байж мэддэг** (Хороший человек узнается в дружбе, хороший конь узнается в езде).

Проведенный анализ позволяет говорить, что в концепт «добро» народы мира, в том числе русский и монгольский включают в первую очередь *правду* (монг. «Унэнээс айх хэрэггүй, угнээс айх хэрэгтэй» – Правды бояться не нужно, а нужно бояться слов, русс. Правдив будь – и правдивых друзей ищи); *честь* (монг. Хун нэрээ, тогос одоо – Человек бережет честь, павлин бережет хвост, русс. Добрая слава лежит, а худая бежит); *труд* (монг. Ажил хийж хун болдог, ар давж хулэг болдог-Трудясь человеком становятся, а преодолевая гору – аргамаком, русс. Где труд, там и счастье); *ум (мудрость)* (монг. Сурсан далай, сураагүй балай - Учившийся – море, а не учившийся – тьма, Эдээр биеэ чимэхээр эрдмээр биеэ чим – Не вещами украшай себя, а знаниями, русс. Где ум, там и толк); *счастье* (монг. Оргуй бол баян, овчингуй бол жаргал – нет долгов- богатство, нет болезни – счастье, русс. Счастье вольная пташка: где захотела, там и села), *дружба* (монг. Ганц хун айл болохгүй, ганц тулээ гал болохгүй – Одна головня в пламя не разгорится, а один человек семьей не станет, русс. Рука руку моет, и обе белы живут, Доброе братство – дороже богатства); *родина* (монг. Дассан газрын даавуу зоолон – В родном месте простая материя кажется нежной, русс. На чужой

стороне и весна не красна); зостеприимство (хлебосољство) (монг. Зан сайтай айлд хун болгон ирдэг, замаг сайтай усанд загас болгон цугладаг – В гостеприимной семье люди собираются, а в реке, богатой водорослями, - рыба, русс. Гости позваны, и постели постланы, За хлеб-соль не платят, кроме спасибо).

В монгольском и русском языках фольклорная концептуализация понятия «зло» также характеризуется многообразием видов и форм семантической репрезентации.

Как показывает анализ фактического материала, в русской и монгольской фольклорной картине мира концепт «зло» формируется на основе таких устойчивых единиц языка, которые объективируют интегративную нравственную категорию «Плохо» (Му).

Лексема «зло» в обоих языках семантизируется следующими компонентами: Злодеяние (злость): монг. Хунийг хорлох муу хуний хэлний зуур зов зоолхон – досл. «кто делает людям зло, у того язык мягкий», Оодоо хаясан чулуу оорийн толгой дээр – Вверх брошенный камень на голову упадет. Здесь соответствует русская пословица - «Не рой яму для других, сам в неё попадешь», Не одолевайся злобою, но одолевай благим злом; Лень: монг. Залхуу хүн завагтаа хүрэхгүй, заяаны муу усандаа хүрэхгүй – Ленивец и до своей полки не достанет, неудачник и к воде не подойдет. Русские говорят: **Человек от лени болеет, от труда здоровеет, В еде здоровяк, в труде колека**; Глупость: монг. Тэнэг цэцэн хоёр хооролдож чадахгүй, тэмээ ямаа хоёр морголдож чадахгүй – Беседовать друг с другом не могут умный и дурак, бодаться не могут верблюд и коза, Тэнэг тэнэгээ дагах, тэрэг шараа дагах – Глупец следует за глупцом, телега следует за быком, русс. Глупый про себя согрешит, а умный многих соблазнит; Ложь: Хуурсаар хуурсаар худалч, хумсалсаар хумсалсаар хулгайч – Понемногу обманывая, становишься лгуном; понемногу присваивая – вором, русс. У лжи короткие ноги. (Ко лжи, обману относит монгольский менталитет также лицемерие и подхалимство. Монголы говорят: **Чонын арьс номорсон хун** – о человеке, прикрывающем свои дурные намерения, действия маской добродетели. Здесь соответствует русский фразеологизм: «волк в овечьей шкуре»); Болтливость, хвастливость: монг. Угийн цоон дээр, ухрийн олон дээр – В речах лучше немногословность, а в скоте – многочисленность, Адгийн тэнэг биез магтах – Только неумный человек сам себя хвалит, русс. **Говори с другими поменьше, а с собою побольше!**, **Доброе молчанье лучше худого ворчанья.**; Гнев: Уур биеийг зовооно, уул морийг зовооно – Гнев мучает тело, горы – коня, русс. **Гнева не пугайся, а на ласку не кидайся**, Беда: монгольской поговорке Муу мууд нэмэр соответствуют русские – Беда беду родит; беда не ходит в одиночку.

Таким образом, судя по лингвистическому анализу пословиц и поговорок

можно утверждать, что на ментальном уровне два народа очень схожи и проповедают одни и те же аксиологические ценности.

В основе концептов «добро» и «зло» лежит представление о человеческой душе. Пословицы, поговорки, фразеологизмы, в состав которых входит лексема «душа» фиксируют информацию об особом архетипе русских и монголов.

Понятие «душа» и «сэтгэл санаа»- основная единица инстинктивной душевной жизни человека, а понятие «дух»- оюун санаа представляет собой единицу сознательной духовной жизни.

В языковом сознании монголов существуют «ариун сэтгэл» (чистая совесть; великодушие); «бодь сэтгэл» (милосердие; альтруизм); «буруу сэтгэл» (предосудительность); «зов сэтгэл» (верность, справедливость); «зоолон сэтгэл» (благодушие); «нигуулсэнгуй сэтгэл» (милосердие, сожаление; гуманность); «нинжин сэтгэл» (гуманность, человеколюбие); «оровдох сэтгэл» (жалость); «сайхан сэтгэл» (добрая душа); «уудам сэтгэл» (великодушие); «хайр сэтгэл» (любовь); «халуун сэтгэл» (родная душа); «хар сэтгэл» (вредная душа); «хатуу сэтгэл» (суровый, строгий нрав); «хомхой сэтгэл» (корыстолюбие, корысть); «хорт сэтгэл» (злость); «унэн сэтгэл» (верность); «цагаан сэтгэл» (добродушие); искренность; «чин сэтгэл» (честность); «элэгсэг сэтгэл» (дружелюбие); энэрэнгуй сэтгэл (гуманность). Для русских положительные или негативные характеристики души содержат прежде всего нравственные оценки: у стыдливого человека *душа чиста, как слеза ребенка*; у человека с незапятнанной совестью *шуба овечья, зато душа человеческая*; доброго, тавоватого называют *широкая, простая душа, душа-человек*; у доверчивого человека и простофили *душа нараспашку и язык на плечо*. Зато предателя, нечестного человека называют *продажной душой*, жадного, алчного – *копеечной душой*, трусливого – *заячьей (Мысли Наполеона, а душа заячья)*. О корыстолюбивом говорят, что он *любит, как душу, а трясет, как грушу*, о скупом- что если и дает кому что-либо, то у него *как душа с телом расстаётся*.

Согласно архетипу русских и монголов, душа, при том чистая душа считается дороже всех. Об этом существуют русские пословицы: «Хоть мошна пуста, да душа чиста», «Душа всего дороже», «Душа – заветное дело» и монгольские пословицы: «Сэтгэл гэдэг эднээс эрхэм, итгэл гэдэг хамгаас эрхэм» (досл. «Душа дороже вещей, а вера-всего на свете»), «Сэтгэл сайхан бол онго сайхан» (досл. «Если душа красива, то и облик красив»), «Сэтгэлийн сайхан нь амьдралын чимэг, царайны сайхан нь нудний чимэг» (досл. «Душевная красота радует жизнь, а видимая красота радует очи»), «Сэтгэл сэвгүй бол таван махбод эруул» (досл. «Если душа без изъяна, то пять элементов в организме здоровы»).

Третий параграф последней главы посвящен колоративному анализу белого и черного, которые включаются в ассоциативно-образный слой добра и зла, что связано с древними мифологическими представлениями.

Как во многих языках мира, имена белого и черного цвета служат в монгольском языке лексическими номинациями, с одной стороны, прекрасного, благородного, счастливого, невинного, истинного, с другой стороны, порочного, злого, несчастливового, лживого, печального и т.д. Русские говорят: «**Белое – венчальное, черное – печальное**». Здесь видно противопоставление белого цвета как праздничного и черного как траурного. В монгольском языке существует выражение: **Цагаанаас хар гардаг, хараас цагаан гардаг**, дословно переводимое «Из белого возникает черное, из черного – белое». Белый цвет для монголов олицетворяет собою счастье и благополучие, чистоту и благородство, честность и добро, почет и высокое положение в обществе (Бараникова, 1973, с. 106). Данный цвет в христианстве символизирует жизнь возвышенную, духовно чистую, устремленную к высоким прекрасным началам, одним словом, это цвет жизни идеальной и духовной. Слово *белый* общеславянское, образованное от индоевропейского корня (ЭС Фасмера, с.149).

Русские издавна белую (льняную) рубаху надевали в праздник, солдаты – перед сражением с врагом. Это отражается и в целом ряде пословиц и поговорок. Например: «**Когда у Ивашки белая рубашка, тогда у Ивашки и праздник**». Во время встречи нового года «Цагаан сар» (Белый месяц) в Монголии принято было одевать белые одежды.

Белая душа, которая соответствует монгольскому «цагаан сэтгэл» выражает чистую, свободную от всякого греха душу. Большой круг устойчивых выражений содержит прилагательное «белый» в значении «хороший; свободный от греха, злости и плохих намерений, красивый», выражая явное противопоставление черному.

Семантические доли лексемы «белый» своеобразно отражают ментально-поведенческие нормы русских и монголов. В обоих языках есть семантические доли лексического фона лексемы «белый/цагаан», которые не совпадают друг с другом по смыслам.

Незнаком русским ряд семантических долей лексического фона лексемы «белый/цагаан», обусловленный спецификой ментально-поведенческих норм монголов. Например, «цагаан архи» (досл. «белая водка») у монголов означает водку, перегонную из пшеницы, «цагаан тос» (досл. «белый сливки») – плавленые сливки молока с вареным и высушенным монгольским сыром, «цагаан идээ» (досл. «белые продукты») – молочные продукты, которые являются неизменным, «цагаан хун» (досл. «белый человек») – добродушного человека, «цагаан уйл» (досл. «белые деяния») – добрые дела. **Цагаан дарь эх** – Белая Тара является богиней милосердия.

Наиболее часто у монгольских народов, при описании красоты использовались сравнения, связанные с цветообозначением. Главным цветом с положительной коннотацией был белый цвет, цвет белизны и чистоты, обозначавший не только физическую, но и нравственную красоту человека. Идеально красивым считалось лицо женщины, если в нем присутствовали три белых черты: белые зубы, белая кожа лица, а белок глаза был чисто белым. Например, в эпосе «Джангаре» находим такие строки, описывающие красоту жены Джангара: «снега белее зубы ее», «мочки нежно-белых ушей», «белая шея». С точки зрения древнерусской эстетики, белое лицо, белые руки и белое тело также являлись неременным признаком человеческой красоты. В ряде пословиц и поговорок прилагательное «белое» отмечено как знак красоты: **«Личиком бел, да душою чёрен»**. Но здесь подчеркивается резкое противопоставление между внешним видом и внутренним содержанием.

Черный цвет в палитре монгольской культуры выступает как антипод белого, прежде всего как классификационный партнер в бинарной оппозиции белое-черное. Если с белым связано позитивное начало в окружающем мире (все доброе, светлое, счастливое, сакральное), то с черным – все негативное (злое, темное, жестокое, несчастливое, профанное).

Имя *qara* в тюркских и монгольских языках служит лексической номинацией отрицательных эмоций и различных негативных явлений: 'клевета', 'хула', 'грязь', 'дурной', 'злосчастный', 'мрачный', 'безотрадный', 'траур'; 'злодеяние', 'мучительный', 'тягостный', 'порочный', 'преступный', 'скверный', 'коварный', 'зависть', 'сплетня' и т. д.

Слово *черный* – общеславянское (Фасмер, т. 4, с. 346). Оно также может иметь символическое значение- цвет скорби, траура, беды, неприятности, угрозы. Цветовое значение прилагательного «черный» (в краткой и полной формах) отмечено в пословицах и поговорках – часто в противопоставление прилагательному «белый». Н: **«Корова черная, а молоко дает белое»**, **«Платье черненко, да совесть беленька»**. Они употребляются когда о человеке судят не по внешнему виду, а его делам. Русские говорят: **«Черного кобеля не отмоешь добела»** (монг. «угаавч уг нь хар») в значении «убеждения или укоренившиеся недостатки, пороки кого-либо невозможно исправить».

В состав устойчивых сочетаний с прилагательным *черный*, отражающих монгольскую национальную культуру, входят **хар цай** (черный, не заправленный молоком чай), **хар шол** (мясной, но без заправки бульон), **хар архи** (черная водка, т.е. водка, полученная методом перегонки зерновой барды; так называли китайскую из риса и проса в отличие от *цагаан архи* – монгольской водки, полученной путем перегонки молока), **хар ус** (черная, простая вода, подаваемая человеку в ответ на просьбу напиться, если в юрте нет никакого молочного напитка). Существуют и следующие фразеологизмы, в состав которых входит лексема *черный*: **«хар санаа»** (досл. «черная мысль»)-

злоумышление, коварство, «**хар дотортой**» (досл. «внутри с черным») со значением скверный, порочный, «**хар элэгтэй**» (досл. «с черной печенью») – враждебно настроенный, «**хар амни бодох**» (досл. «заботиться о своей черной жизни») в значении эгоизма, «**хар гай**» (досл. «черное припятствие») – злая напасть, «**хар хов**» (досл. «черная ложь») – злая ложь, «**хар ихтэй**» (досл. «много черного») – очень ревнивый, «**хар гэр**» (досл. «черная юрта») – тюрьма и др. Фразеологизм «**хар хэл ам**» (досл. «черный язык») означает всякие проклятия и нечистая сила, которые считаются опасными. Чтобы снять вредоносное действие, как ругани, читаются монахами специальные молитвы. Таким образом, в языковом сознании русских и монголов счастье и беда, истина и ложь, невинность и вина метафорически соотносятся с белым и черным цветами. В заключении обобщаются результаты исследования, излагаются основные выводы, сделанные в диссертации в ходе лингвокультурологического анализа концептов «добро» и «зло» в русском и монгольском языковых картинах мира через художественное, религиозное, фольклорное и лингвофилософское представления.

Основные положения и результаты исследования изложены в следующих научно- методических публикациях:

1. Дэлгэрмаа Г. Способы выражения концепта «добро» и «доброта» в творчестве И.С. Тургенева // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». Выпуск 3. Актуальные вопросы лингвокультурологии в аспекте лингводидактики. – М.: Изд-во РУДН, 2007. – С.48-55.
2. Дэлгэрмаа Г. Репрезентация концепта «добро» как языковое отражение русского и монгольского менталитета. // IV Международная научная конференция «Язык, культура, общество»: Тезисы докладов. – М., 2007. – С. 175.
3. Дэлгэрмаа Г. Репрезентация концептов «добро» и «зло» в пословицах и поговорках русского и монгольского языков как выражение нравственной мудрости. // X Научно-практическая конференция молодых ученых «Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания»: Сборник статей. – М., 2008. – С.99-102.
4. Дэлгэрмаа Г. Религиозно-нравственная тема в творчестве И.С. Тургенева (на материале романов «Дворянское гнездо» и «Накануне»). Вопросы филологических наук. – М., 2008. – №1. – С.6-8.
5. Дэлгэрмаа Г. Концепт «зло» в древнерусском языковом сознании. Современные гуманитарные исследования. – М., 2008. – № 1. – С.171-173.

Ганбаатар Дэлгэрмаа

(Монголия)

**Концепты «добро/зло» в произведениях И.С. Тургенева на фоне
монгольского языкового сознания**

Диссертация, выполненная в русле когнитивной лингвистики, посвящена лингвокультурологическому анализу структуры и содержания концептов «добро» и «зло». Материалом исследования послужили лексикографические источники, произведения И.С. Тургенева и фольклорные (пословицы и поговорки), библейские и буддийские тексты. В результате анализа определены основные содержательные характеристики и особенности исследуемых концептов в языке писателя и выявлены общие смысловые компоненты, присущие представлениям о добре и зле в русском и монгольском языковом сознании.

Результаты исследования могут быть использованы при проведении спецкурсов и семинаров, посвященных проблемам когнитивной лингвистики и лингвокультурологии.

Delgermaa Ganbaatar

(Mongolia)

**Concepts of good” and evil in the works of I.S. Turgenev through the lens of
the Mongolian mentality**

The thesis completed in the direction of cognitive linguistics is devoted to the linguistic and cultural analysis of the composition and structure of the concepts “good” and “evil”. Lexicographical sources, works of I.S.Turgenev, texts from folklore (proverbs and sayings), Bible and Buddhism are used in the thesis as a research material.

As a result of the research, basic descriptions and features of the analyzed concepts in the language of the writer were presented. Also, common semantic components inherent to the concepts of good and evil in the Russian and Mongolian language consciousness were defined.

The findings of this research can be used in conducting special courses and seminars devoted to the problems of cognitive linguistics and culture-oriented linguistics.

Подписано в печать 14.05.2008 г.
Печать трафаретная

Заказ № 413
Тираж: 100 экз.

Типография «11-й ФОРМАТ»
ИНН 7726330900
115230, Москва, Варшавское ш., 36
(495) 975-78-56, (499) 788-78-56
www.autoreferat.ru

